

Ваня Кирпичиков

18+

"Скоро конец, Андрюшенька, скоро конец..."

Ваня Кирпичиков
**«Скоро конец, Андрюшенька,
скоро конец...»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48852363

SelfPub; 2019

Аннотация

...рассуждения начинались за стаканчиком угрюмого красного портвейна, и заканчивались также быстро, как и портвейн. После чего Андрюшенька подобно ленивцу переползал с кресла-гробика, где происходило виночерпие, в свой коробок-кроватьку и мило засыпал под звуки граммофона, который он купил у старика Володьки, соседа-имбецила, чей потусторонний вой тревожил квартиру Андрюшеньки...

В оформлении обложки использована картина Пабло Пикассо «Автопортрет» с <https://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-pablo-pikasso-avtoportret-30-iyunya-1972-goda/>

Андрюшенька Нечаев, молодой человек двадцати семи лет, работал клерком в типографской кампании, куда устроился по объявлению. Жены у него не было, да и не нужна она ему была. Жил в одиночестве в съемной квартире, был немногословен. Друзей не было, за исключением... Жизнь катилась, и он катился по ней размеренно и уныло. Платили ему какую-ту зарплату и он был доволен. Вечерами после работы читал бестолковые детективы за кружкой дешёвого пива, спать ложился рано, засыпая спокойно и легко. Таков был Андрюшенька. Нечаев. Пустой и никчёмный биологический объект, коих было валом на планете Земля. Подобные индивидуумы не засоряли её собственным существованием и не удобряли. Так. Имелись. Просто. Таков был Андрюшенька. Нечаев.

Иногда, вечерами он пускался, утомившись от детективных однотипных повествований, в размышления о жизни и о своём, так сказать бытие. Как правило, эти рассуждения начинались за стаканчиком угрюмого красного портвейна, и заканчивались также быстро, как и портвейн. После чего Андрюшенька подобно ленивцу переползал с кресла-гробика, где происходило виночерпие, в свой коробок-кроватьку и мило засыпал под звуки граммофона, который он купил у

старика Володьки, соседа-имбецила, чей потусторонний вой тревожил квартиру Андрюшеньки и не только.

Забавен был этот Володька. Утром он пил какую-то алкогольную гадость, рыдал истерически и просил, умолял окружающие предметы о пощаде. Стучал и ревел, крича и тревожа весь дом. Но соседи и Андрюшенька снисходительно реагировали на шалости Володьки, ведь днём он был мил и почти приветлив – пускал пузыри слюнями и читал стихи неизвестного поэта на непонятном языке. Всегда здоровался со старушками, а детей почему-то боялся и при виде их всхлипывал. Было Володьке 68 лет и дело шло к концу его сумасшедшего жизненного пути. Он наверно понимал это, и часто подходя к Андрюшеньке, говорил : “Скоро конец, Андрюшенька, скоро конец.” Иногда Нечаев ему вторил также: “Скоро конец, Володька, скоро конец.” Их диалог был невесел, но и незлобен. Как будто говорили два умудрённых опытом человека.

Пожалуй, Андрюшеньку и Володьку можно было назвать друзьями. Ведь Андрюшенька ни с кем больше не общался, как только с придурковатым старичком Володькой. Их дружбу заметил весь дом и когда вечером за столиком во дворе они рассуждали о чем-то, только им понятном, жильцы квартир замолкали и с уважением наблюдали за происходящим – лишь бы Володька не верещал утробно и не орал с ненавистью на окружающие предметы.

А словесные баталии разгорались нешуточные между эти-

ми двумя отшельниками мироздания. Володька пил портвейн быстро и часто закусывал какой-то листвой из-под ног, хотя на стол в качестве закуски Андриюшенька приносил дешёвую колбасу, а Володька – позеленевший от плесени хлеб. Это не мешало им вести философские беседы. Старик во время разговора периодически икал и чесал себя между ног. Когда это происходило, Володьку озаряла какая-то новая мысль. И весь двор знал – если старик чешет между ног, то скоро будет изречен какой-то афоризм мудрости из его рта, покрытого слюной и грязными листьями. Вся дворовая публика замолкала, кто-то даже доставал блокнот и что-то конспектировал. Все знали, что блаженные богоугодны и посему ловили каждое слово Володьки, как богоизбранника. Андриюшеньке же досталась роль проповедника заповедей Володьки. Он переводил дурашливые словца старца на понятный человеческий язык и посему был уважаем во дворе. После каждой такой попойки во дворе Андриюшенька ходил важный. Ведь он был хранителем мудростей Володьки, и каждый житель дома умолял поделиться с ним умозаключениями старика-имбецила. Андриюшенька набивал себе цену и за озвученные неповторимые мысли дурашки Володьки брал взятки в виде бутылок портвейна, которые складывал у себя в чулане. Там был уже хороший запас, хоть и расходовался на попойки.

Андриюшенька и Володька были героями двора, местными святыми, которых канонизировала местная богомольная

публика. У каждого жителя дома в Библию были вклеены вклады с высказываниями Володьки. Они менялись между собой мыслями дурачка-богопосланника и дополняли свои вклейки новыми. Наконец наступило время, когда количество вкладок стало больше, чем страниц в Библии и от Библии просто избавились, как от аппендикса, как от ереси. Ее сдали как макулатуру, а на вырученные деньги жители издали первый томик новой религии – религии Володьки. Андрюшенька возглавил весь этот процесс и по дешёвке у себя в типографии заказал аж 100 экземпляров новой религии Володьки. Домочадцы быстро избавились от нательных крестиков с изображением Христа и с бредового благословения Володьки с гордостью повесили на грудь растопыренные ноги Володьки, с намёком на то, что его божественные мысли исходили тогда, когда он чесал между ног. Так зародилась новая религия – религия Володьки. А Андрюшенька был её вещателем в народ, в приход. Утром Володька по-прежнему неистово орал, заливая в глотку алкоголь, но теперь это воспринималось как божественное пение, имеющее божественное предназначение. Все смолкали и молились, почёсывая себя между ног – таково было новое моление. Андрюшенька уволился с работы и стал на пожертвования граждан дома строить церковь Володьки. Вскоре возле столика, где Андрюшенька и Володька пили портвейн вечерами, вырос храм-часовня. Храм был разделен на две части – место для прихода и место, где вели пьяные беседы бог Володька и его

проповедник Андрюшенька. В место для прихода шли люди, чесались, приносили портвейн и уходили, слыша во второй половине храма буйные пьяные речи Володьки и покорные заискивающие поддакивания Андрюшеньки.

Расчёсы между ног прихожан приветствовались. Женщины и мужчины, не стесняясь, чесали между ног, впадая при этом в состояние, схожее с нирваной. А вот девушки стеснялись чесаться и попадали под неодобрительные взгляды богомольных старушек-прихожан. Девицы краснели и как-то неумело пытались чесаться, но все же делали это, боясь домашней порки за неуважительное отношение к религии. Кстати, на церкви вместо креста красовались раздвинутые ноги. Прихожане молились левой рукой, раздвигая указательный и большой палец, указывая на сходство с раздвинутыми ногами, а правой рукой чесали между ног.

Обряд “крещения” младенцев проходил также в церкви, где их опускали в корыто с портвейном, остатки которого сливали туда из недопитых бутылок Володьки и Андрюшеньки. Иногда в корыте плавали остатки несъеденной колбасы, которые случайно попадали туда с божественного стола Володьки, со священной их трапезы. Родители считали это добрым знаком и запихивали младенцам в рот колбаску – это давало здоровье детям, а родителям – уверенность в завтрашнем дне. Некоторые младенцы срыгивали божественный продукт, и мамы застенчиво прятали ее в узелки в надежде на то, что когда-то их мальчуган или девочка заглот-

нет колбаску обратно и станет здоровым и крепким.

Вместо христианских хлебцев в церкви раздавали плесневелый зеленый хлеб, который так полюбился Володьке. Прихожанам надо было умиленно его сосать, радостно причмокивая. И попробуй только скривиться! Если плесень была не зеленого цвета, а другого – бабушки-старушки суетливо его прятали в платки и потом на улице скармливали голубям.

Вместо христианского елея использовались божественные слюни Володьки, коих было в достатке – Володька, говоря с Андриюшенькой, активно пузырился, извергая повсюду божественную слюну. Бабушки – послушницы кропотливо собирали её в пузырьки, и в дальнейшем она использовалась в обрядах. Пузырьки были строго подотчётны.

Браки новой церковью отрицались. Они шли вразрез с заповедями Володьки, и их было порядка двадцати. Они были нанесены на стенах внутри церкви и нашептывались прихожанами при богослужениях. Андриюшенька, согласовав с Володькой, выделил из двадцати наиболее важные и возвеличил их. Их получилось десять. Заповеди Володьки :

- 1.Чесаться, чесаться и еще раз чесаться, как завещал великий Володька и как учит Андриюшенька;
- 2.Чти своего бога Володьку и его посланника Андриюшеньку, раздвигая ноги сам и помогая другим;
- 3.Пей вдоволь портвейн;
- 4.Помни, что раздвигая ноги, ты думаешь только о Володьке и не помышляй при этом о блудливом;

5. Кричи истерически, когда тебе заблагорассудится, но не громче Володьки;

6. Ближнего соседа не обижай, а когда возможен конфликт лучше почешись;

7. Не укради. Поделись с ближним колбасой и плесневелым хлебом – они мудрость Володьки и путеводная звезда Андрюшеньки;

8. Покрой ругательствами мир вне двора и дома – он пуст и ущербен;

9. Работай на благо Володьки и приблизишься духовно к нему;

10. Когда ты рад – пускай слюни – они дорога к счастью.

Шли годы, а Володька всё сыпал и сыпал изречения из своего рта. Андрюшеньке пришлось выпустить дополнительные тома мыслей богочеловека Володьки. Пьяная мудрость оформилась в трехтомник и распространилась среди обитателей двора. В каждой квартире можно было найти эти богонки. Андрюшенька следил за их распространением среди населения и всячески пропагандировал религию Володьки. Правда делал он это с похмелья и как-то нехотя.

Андрюшенька заметил, что Володьку стало часто, чем обычно, рвать после очередных попоек. Рвота была какого-то неестественно чёрного цвета. Смерд от блевоты распространился в храме-часовне, и прихожане почувствовали это. Теперь помимо портвейного запаха они стали ощущать зловоние. Это несколько смущало их, приводило порой в

смятение, но божественность Володьки была непоколебима, и посему данный факт воспринимался как должное и требуемое. Некоторые мамы стали находить в корыте с портвейном при таинстве “крещения” чёрные рвотные остатки Володьки, но эти факты не влияли на таинство – всё проходило благочинно и смиренно, ведь это же богоостатки.

Андрюшенька также обратил внимание, что Володька стал чаще говорить свою любимую фразу “Скоро конец, Андрюшенька, скоро конец”. И если он раньше весело фыркал и радостно плевался, произнося это, то теперь утробно, злобно рычал и не ждал ответной фразы Нечаева “Скоро конец, Володька, скоро конец”.

Нечаев понял, что дело действительно идёт к концу. Век богочеловека-имбецила заканчивается и начинается эпоха его, Андрюшеньки. Духовное наследие дурачка сведено в трехтомник, владение сознанием жителей двора безгранично. Андрюшенька решил, что надо как-то переиначить религию Володьки в свою сторону, на свой лад, подстроить под себя чудодейственную силу религии, построить свой трон на лаврах Володьки. Необходимо было дожидаться смерти Володьки. И она пришла. Как всегда внезапно. И вот при каких обстоятельствах...

При очередном благостном запое Володьки и Андрюшеньки в храме-часовне, когда богоугодное место было наполнено дворовым людом, молящемся о своём здравии, богочеловек неожиданно прервал свои чудные речи и стал

непрерывно крутить головой, заикаясь, произнося : "Христос воскрес, Христос воскрес..." Андрюшенька слегка остолбенел, но ожидал услышать после этих фраз продолжение идиотских разглагольствований, однако такового не последовало. Володька продолжал лепетать, уже плача и повизгивая. Прихожане слышали голос и фразы Володьки. Некоторые бабушки испугались и принялись судорожно искать крест по юбкам да сумкам, другие на них цыкали и ругались, а третьи о чём-то думали, постоянно ковыряясь в носу. Вскоре дворовый бог рухнул со стула, опрокинув початую бутылку портвейна, и произнес : "Воистину воскрес". Его бордовые от виноградного зелья губы навечно сомкнулись и больше истерически не визжали. Бог умер. На храме-часовне покачнулись раздвинутые ноги и упали на землю, развалившись на две ноги. Кто-то шустрый быстро подбежал и унёс в кладовку этот элемент поклонения. На стенах храма осыпались Володькины заповеди. В храме бабушки почему-то заекали, а те, кто постоянно ковырялся в носу, начали громко сморкаться.

Андрюшенька на следующий день объявил дворовой массе о том, что Володька вознёсся на небеса в поисках высокого вдохновения, а себя провозгласил приемником и несколько модифицировал религию двора. Теперь прихожане перестали чесать между ног, а стали ковыряться в носу, хотя пальцы складывали так же, как и ранее, чтя Великого Володьку. На храме вместо раздвинутых ног появился палец в

носу. Жители сменили нателные знаки. Заповеди Андрюшка переиначил под себя. Перестал пить портвейн, а стал есть какие-то таблетки, от чего заговорил с предметами, как и Великий Володька. Публика записывала весь это бред, исходящий из уст приемника, и всё также верила в Великого Володьку и Достопочтенного Андрюшку.

“Скоро конец, Андрюшенька, скоро конец...”